

Через некоторое время Чжун Цзяньго увидел, что Сун Чжаоди прижала его младшего сына к груди и начала разминать и растирать свою поясницу, а потом вытянула руки и растерла ноги. Мужчина слабо улыбнулся и снова закрыл глаза.

В прежней жизни Сун Чжаоди ездила только на метро и в школьном автобусе, оба вида транспорта ровные и устойчивые, они были не слишком громкие и без тяжелого запаха в вагоне или салоне.

В этом же старом поезде слышен бесконечный грохот колес, в вагоне стоит неприятный запах, а спинки скамеек прямые и вообще без изгибов. Сун Чжаоди взглянула на сиденье и решила постоять, а не снова садиться.

Чжун Цзяньго купил три билета, и вся скамейка принадлежала им. Когда Сун Чжаоди стояла, скамейка была наполовину пуста. Сун Чжаоди некоторое время смотрела на пустое сиденье, затем снова уложила ребенка на скамейку, открыла большую сумку и достала две пары штанов и пальто с хлопчатобумажной подкладкой.

Чжун Цзяньго услышал шорох, увидел Сун Чжаоди, сидящую на корточках на полу, и потерял дар речи. Было уже больше десяти часов, разве эта женщина не хочет спать?

Биологические часы Сун Чжаоди были настроены на сон с полуночи и до шести часов утра. В десять часов вечера девушка была полна бодрости. Сун Чжаоди, которой было скучно, закрепила обе пары штанов на скамейке и переложила младшего ребенка в получившийся кокон. Затем она осторожно по очереди забрала детей из рук Чжун Цзяньго, положив старшего в угол, а второго ребенка уложив рядом с отцом.

Руки Чжун Цзяньго опустели, и он не стал продолжать притворяться спящим:

— Что ты делаешь?

— Ты проснулся? — удивилась Сун Чжаоди.

Мужчина подумал про себя: «Ты так шумела, что и мертвый бы проснулся» — и спросил:

— Где Дава и Эрва*?

П. п.: Первый и второй ребенок дословно.

— Вон там, — показала она Чжун Цзяньго. — Я боялась, что она упадут, поэтому достала пальто и положила между двумя парами штанов. Теперь дети точно не скатятся, как бы ни

ворочались.

Сун Чжаоди очень гордилась проделанной работой.

— Ты можешь дальше спать.

Чжун Цзяньго сидел ближе к стене, а двое сыновей спали сбоку от него. От падения их защищали штаны и пальто.

— Где же ты сядешь?

— В вагоне полно сидячих мест, — отмахнулась Сун Чжаоди. — Я найду место, где можно присесть и отдохнуть, когда устану стоять. Кстати, этих троих зовут Дава, Эрва и Санва?

— Старший родился в 1962 году. В то время по всей стране был голод. Моя бывшая теща сказала, что ребенка с простым именем легче вырастить, и назвала его Цзянцян. Второго ребенка зовут Аньшэн, а третий ребенок родился на юге, поэтому его зовут Сяннан*. Имена второму и третьему дала их мать.

П. п.: Детей называли буквально «Сильный», «Стойкий» и «Южный».

— Эта ваша жена действительно хорошо разбиралась в именах, — многозначительно сказала Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго взглянул на нее:

— Они не так хороши, как твое, Чжаоди*.

П. п.: Имя девушки означает «манящая младшего брата», видно, родители очень хотели, чтобы следующим ребенком был мальчик.

Сун Чжаоди прищурилась:

— Тогда почему вы называете их Дава, Эрва и Санва вместо имен Цзянцян, Аньшэн и Сяннан?

— Раз уж ты в таком хорошем расположении духа, сходи к проводнику и налей мне воды, — лицо Чжун Цзяньго слегка покраснело, и он ловко достал из своей сумки фарфоровую чашу, легко умещающуюся на ладони.

Сун Чжаоди усмехнулась про себя, что мужчина разозлился от смущения, высыпала из чашки печенье и отправилась искать проводника.

Чжун Цзяньго посмотрел на двух своих крепко спящих сыновей и, убедившись, что они не упадут, закрыл глаза и расслабился.

Когда Сун Чжаоди вернулась с горячей водой, она увидела, что Чжун Цзяньго с закрытыми глазами прислонился головой к стеклу, и дважды толкнула его рукой.

Сидящий напротив мужчина рассмеялся:

— Какие у вас с ним отношения?

— Я его вторая жена, — Сун Чжаоди не боялась, что другие узнают об этом, — и счастливая мать троих детей, не видали такого?

— Никогда такого не видел. Я в шоке, но, думаю, вы влюблены друг в друга.

— Ты ошибся, — Сун Чжаоди прислушалась к храпу Чжун Цзяньго и была уверена, что он крепко спит, но не осмелилась играть словами. — Но тут ничего не поделаешь. Эй, товарищ, ты тоже едешь в Шэньчэн?

Мужчина уже собирался заснуть, когда его разбудила Сун Чжаоди. Позже Чжун Цзяньго заговорил, и мужчина полностью потерял сон. Он сел поудобнее, жестом пригласил Сун Чжаоди сесть рядом и сказал:

— Я сойду на следующей остановке.

— Неплохо. Не то что я, мне придется ехать тридцать часов, — Сун Чжаоди не удержалась и снова тяжело вздохнула.

— Почему ты больше не говоришь «я*»? — любопытствовал мужчина.

П. п.: Собеседник имеет в виду, что девушка перестала говорить «□», которое обычно употребляют деревенские жители на северо-востоке Китая.

— Он не привык это слышать. Мои отец, мать и сестра, они все так говорят. Но я буду следовать за ним и мне нужно как можно раньше привыкнуть говорить по-другому, — Сун Чжаоди не боялась откровенно говорить с незнакомцами, поэтому она поменяла тему. — Ты рабочий?

Мужчина махнул рукой:

— Нет, я бухгалтер на государственном заводе. Несколько дней назад я получил телеграмму из

дома. «Красные солдатики» * поднимают шум, поэтому я планирую отвезти своих родителей в Биньхай.

П. п.: «Красные солдатики» – название пионеров в годы культурной революции.

— Твоя семья... — Сун Чжаоди внезапно замолчала и понизила голос. — У вас проблемы?

Сун Чжаоди направлялась в Шэньчэн с целым выводком детей и даже если бы она знала, где находится его семья, то не могла бы причинить им неприятности, поэтому мужчина разговорился:

— Мой папа — молодой хозяин в семье землевладельцев, а мама осталась за границей.

— За границей? Если ты привезешь и устроишь их на фабрику и не сможешь защитить, то и сам пострадаешь, — заметила Сун Чжаоди. — Ты слишком сильно недооцениваешь этот мир.

Мужчина бессознательно выпрямился, насторожился и тихо спросил:

— Ты что-то знаешь?

— Нет, просто догадки, — ответила Сун Чжаоди. — Если хочешь защитить своих родителей, найди кого-нибудь, кто отправит вас всех в деревню на трудовую реформу. Можно отправить их в нашу деревню. Деревня Сяосун, около уездного города Хунъя, не деревня Дасун, а Сяосун.

В темноте мужчина некоторое время всматривался в Сун Чжаоди, чтобы понять выражение ее лица, и неуверенно спросил:

— С чего бы тебе помогать мне?

— Рука, дарующая розы, хранит их аромат*, — ей самой не верилось, что она произнесла это.

П. п.: Означает, что добро всегда возвращается добром.

Лю Лин в прошлой жизни посчастливилось встретить дворянина, и позже, когда она сделала себе имя и захотела отблагодарить его, тот сказал ей, что помощь другим — лучший способ отблагодарить его.

Лю Лин тогда улыбнулась, но не стала огорчаться и сказала сама себе, что будет помогать другим людям, если они окажутся в беде.

— Твоя мать училась за границей, а начальной школе в нашей деревне не хватает учителя

иностранного языка. Я, выпускница университета, прекрасно знаю, что знания — единственный способ для сельских жителей изменить свою судьбу. Именно благодаря знаниям я изменила свою судьбу. В нашей деревне уважают людей с образованием.

Мужчина недоверчиво спросил:

— Ты изменила свою судьбу, став мачехой чужим детям? Думаешь, я наивный, как младенец?

— У меня совсем другое дело, — невозмутимо улыбнулась Сун Чжаоди. — Забудь обо всем, если не веришь.

Мужчина сначала подумал, что она попусту мелет языком, но, с другой стороны, она наизусть знала старую индийскую поговорку, а это уже не похоже на бессмысленную болтовню.

Бах!

Сун Чжаоди поспешно встала и пошла на звук. Приблизившись, она увидела Чжун Цзяньго, который в оцепенении потирал голову, и удивилась:

— Так крепко спал?

— Почему ты еще не спишь? - Чжун Цзяньго поднял взгляд и увидел пару блестящих глаз, сияющих как звезды за окном. — Во сколько ты обычно ложишься?

— В три. Засыпаю с первыми петухами, встаю с первыми свиньями, — сморозила чушь Сун Чжаоди. — Эй, твой сын проснулся.

Чжун Цзяньго хотел спросить, зачем она выдумывает небылицы, но заметил, что ребенок завозился в ее руках:

— Может, он проголодался.

— У меня нет молока, — Сун Чжаоди вытащила ребенка из переноски и передала его Чжун Цзяньго. — Корми ты.

— У меня тоже нет молока!

— Как же быть? — выпалила Сун Чжаоди.

Мужчина, сидевший напротив, больше не мог на это смотреть:

— Чем вы его обычно кормите?

— Точно, где-то было печенье. Где вода, которую ты наливала? Замочи печенье для Санвы.

Сун Чжаоди опомнилась:

— Да, печенье в банке, рядом с Давой, — с этими словами она порылась в вещах, достала несколько кусочков печенья и опустила их в воду, стоящую под лунным светом. — А, все растворилось?

— Это печенье тает, когда его опускают в воду, — пояснил мужчина. — У вас есть ложка? Зачерпните ложкой воды, добавьте немного печенья и накормите этой смесью ребенка.

Чжун Цзяньго тоже вспомнил, что его бывшая жена также кормила ребенка:

— Чжаоди, в сумке должна быть ложка.

— Папа, мы уже приехали?

Чжун Цзяньго услышал голос своего старшего сына:

— Нет. Не вставай пока, папа кормит твоего брата.

— Папа, я хочу пописать, — мальчик попытался встать сам. — Папа, я не могу двигаться.

— Чжаоди, дай мне ложку и печенье, а сама отнеси Даву в туалет.

Сун Чжаоди подхватила ребенка, отнесла его в уборную, а затем помогла снять штаны. Увидев, что ребенок опустил голову и не смотрит на нее, она приподняла бровь и спросила со скрытым смыслом:

— Дава, хорошо ли я к тебе отношусь?

— Я не буду называть тебя мамой, — ребенок испугался, что в следующем предложении Сун Чжаоди скажет называть ее мамой. — У меня только одна мама.